

Цѣна № 15 к.,
въ провинціи
20 к.

ПОБЕДИНОК

Органъ сатирической мысли.

№ 3.
1906 г.

Курсистка.

Вечер... Последние ярко-красные лучи знойного солнца порхали по гибкому тростнику, скользили по поверхности озера и погружаясь в его усталую мертвую воду, казалось, душили его в своих объятиях. На берегу, прислонившись к дереву, стояла девушка. Распущенные пышные волосы черными змейками скользили по плечам, сползая на грудь и теряясь в складках одежды, казалось впивались в нее. Лицо было мертвенно бледно. Черные, широко раскрытые глаза: то с тоскою смотрели в даль, то жадно впивались в темную поверхность озера. Стоял тяжкий, отрывистый, вырвался из ее груди. Она стиснула зубы, рванулась вперед. Туда... в воду шептали ей губы. Вдруг она остановилась... Мама... лепетали ей губы, мама прости... Она в изнеможении опустилась на сырой берег. Обветшалые сучья ивы, сорванные порывами ветра, с сухим треском падали наземь. Вдруг она вскрикнула.... Нѣтъ, не придет онъ, нѣтъ... Коля... Тихо шептала она о свѣтломъ, дивномъ чарующемъ будущемъ... Коля... глухой стонъ вырвался изъ ее груди. Мама, блѣдная мама шепчетъ она—прости... Не могу... Къ нему... тамъ счастье—Счастье? Свобода?!... Она дико смѣется. Ей кажется, что они снова вмѣстѣ—ихъ много, лица всѣ блѣдныя, глаза, о какъ смѣло, съ какой горячю вѣрой всѣ смотрятъ вперед—бодро всѣ идутъ,—впередъ... Вѣнки... знамена—красныя, черныя... Пѣніе—всѣ поютъ всѣ... вопли, измученный, истерзанной родины, сливаются въ одинъ страстный могучій гимнъ... и... Она безумно вскрикиваетъ. Она снова слышитъ залпы, свистъ пуль; крикъ и стоны людей, скрежетъ и

лязгъ зубовъ... Кони несутся—все топчуть... Боже... она видитъ его безумные, широко раскрытые глаза, видитъ кровь, слышитъ его ужасный хрипъ... Она дрожитъ, ползетъ къ водѣ... вдругъ дико вскакиваетъ, бросается вперед—глухой плескъ, безумное дикое бурчанье—оно замираетъ.. все тише... тише... Ночь,—темная, гнущая, мертвая ночь...

К.

Передъ бурей.

I.

Буря... Скоро будетъ буря... Видишь молніи какъ блещутъ, Мчатся тучи по лазури, Твари жалкія трепещутъ. Твари въ норы убѣжали, Твари прячутся отъ молній, Но укроются едва-ли, Ихъ закрутитъ вѣтеръ вольный. Ихъ закружитъ пиръ природы, Напоятъ виномъ кровавымъ, Усыпятъ враговъ свободы. Хоромъ бурно величавымъ. Буря... Скоро будетъ буря... Эй! не скрѣпись вамъ тираны, Вьются стрѣлы по лазури, Ноютъ жаждой мести раны. Буря! Чу зоветъ стихія Къ стату красному сходиться, Крѣпнуть силы боевыя, Мигъ... и буря разразится!

Прохожій.

Рыцарь безъ страха и упрека. Посвящается Ф. П. Дубасову.

За границу на поправку
Нашъ Дубасовъ усекалъ,
И затѣмъ уже въ отставку
Слышно выйдетъ адмиралъ.
Чтожъ Дубасова тревожитъ,
Что мутитъ его покой?
И чего страшиться можетъ
Герой доблестный такой?

Лейтенантомъ подвигъ славный
Онъ безстрашно совершилъ,
И турецкій преисправно
Броненосецъ потопилъ.
Но онъ молодъ былъ годами,
И былъ только лейтенантъ,
А теперь—богаты чинами:
Генералъ онъ—адъютантъ.....

И померкла нынѣ слава,
И звѣзда его зашла,
Съ той минуты, какъ расправа
Его кровью залила....
Его храбрость безъ сомнѣнья,
Вся исчезла безъ слѣда,
Съ безоружными въ сраженіи,
Какъ и чувства всѣ стыда....

И исполненный апломба,
Онъ отправился въ вояжъ,
Была брошена лишь бомба
Ему какъ-то въ экипажъ.
Вотъ такъ вѣрный стражъ отчизнѣ,
Вотъ испытанный герой,
Что, боясь за цѣлость жизни,
Покидаетъ битвы строй!

Демократка.

Народная былина.

Не зеленый дубъ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки разсыпаются,
 На добромъ конѣ ѣдетъ по полю,
 Гроза Грузин, Али-ханъ, старикъ!..
 Руки бѣлыя кровью политы,
 Кровью политы прямо пелокоть:
 Загубилъ Али многихъ враговъ:
 Беззащитныхъ женъ, малыхъ дѣтушекъ!..
 Ёдетъ грозный ханъ со дружиною,
 Со дружиною, со хороброю..
 Какъ увидитъ онъ гдѣ селенъице,
 Громко крикнетъ онъ зычнымъ голосомъ:
 „Ей вы, гой еси, добры молодцы,
 Добры млодцы, да, хорабрые!..
 Вы въѣзжайте-ка, да на улицы,
 Зажигайте-ка хаты бѣдныя,
 Избивайте-ка всѣхъ крамольниковъ,
 Не щадите вы племя лютаго!..
 Забирайте вы злато, серебро,
 Полоните вы красныхъ дѣвушекъ,
 Забирайте ихъ, сколько хочется!..
 Попируемъ мы въ славной Грузин!“—

И дружинники словно вороны,
 Тучей черною на селенъице
 Полетятъ сейчасъ вдоль по улицамъ,
 Что по улицамъ, переулочкамъ
 И зажгутъ они хаты бѣдныя,
 Изобьютъ они злыхъ крамольниковъ,
 Племя лютого не щадя совѣмъ;
 Заберутъ они злато, серебро,
 Красныхъ дѣвушекъ, сколько хочется,
 И начнется пиръ въ славной Грузин,
 Алиханомъ днесъ завоеванной!..
 Тутъ имъ и славу споютъ....

Записаль Дятель.

* * *

Въ Россіи—все наоборотъ;
 Бездѣльники, купаясь въ златѣ,
 Живутъ въ роскошнѣйшей палатѣ,
 А честный трудовой народъ
 Или въ холодной бѣдной хатѣ,
 Или въ оковахъ, въ казематѣ!..

Сергѣй.

Грянь скорѣ буря.

*«Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!»*

Вчера я видѣлъ страшный сонъ,
Мнѣ грудь давилъ зловище онъ,
Какъ скаль массивная громада,
Какъ люциферъ, властитель ада!..

I.

Я видѣлъ, словно наяву,
Какъ мощный вѣтеръ, собирая тучи,
Леталъ, свирѣпый и могучій,
Тревожа сонную Неву!..
Гремѣли частые раскаты,
Крѣпчалъ прибой грозный плескъ;
Мелькалъ и падалъ на палаты
Ежеминутныхъ молній блескъ!..
О, никогда я не забуду
Съ какою силой отовсюду,
Съ проспектовъ, улицъ и домовъ,
Изъ парковъ, скверовъ и дворовъ,
Шума волной еще далеко,
Людская кровь неслась потокомъ!..

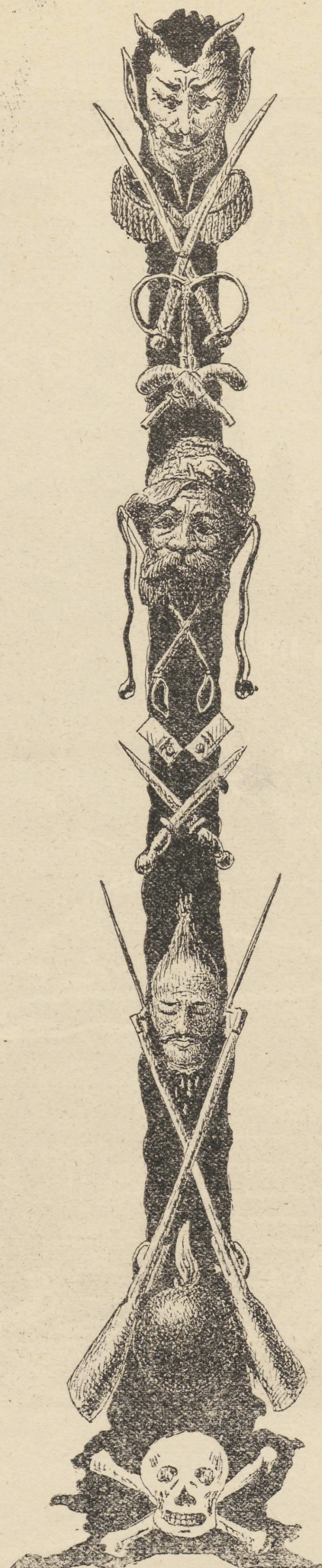
Объята заревомъ страна;
Протяжный, грозный гулъ набата,
Реветь, уносится куда-то,
Но его каждая волна
Сознаніе будить ото сна!..
И вотъ, подъ грохотъ канонады,
Растутъ повсюду баррикады!..

Свершилось!.. Близокъ грозный день!..
Покинувъ хаты деревень
Крестьяне шумными толпами
Спѣшатъ на помощь въ города,
Гдѣ гордо вьются предъ дворцами
Знамена красныя труда....

Проснулся народный вулканъ;
Орелъ встрепенулся двухглавый,
Гнѣздо его — залито лавой,
А въ небѣ — кровавый туманъ!..

На жалкихъ обломкахъ дворцовъ
Диктуетъ народъ свою волю,
И громко скликаетъ по полю
Дружины усталыхъ борцовъ!..

Бѣгутъ, расплываются тучи,
Сверкаютъ и грѣютъ лучи;—
Съ позоромъ глубокимъ и жгучимъ
Бѣгутъ изъ страны палачи!..

II.

Но тутъ я проснулся въ лачугѣ своей,
Услышалъ: стenanья, угрозы,
И вопли, и крики, и звуки цѣпей,
Надъ дѣтскими трупами стонъ матерей
И слезы, кровавыя слезы.

Скорѣй отзовитесь, въ комъ духъ не угасъ;
На битву скорѣ идите!..
Одна лишь дорога открыта для васъ,
По ней вы за счастьемъ идите!..

Скорѣй отзовитесь, сознанье въ комъ есть,
Оплоть палачей разрушайте;
И лозунгомъ битвы „кровавую месть“
Въ дружинахъ своихъ возглашайте!..

Идите!.. Идите!.. Васъ страстно зоветъ
Въ крови потонувшій народъ!..

Василій Кучинскій.

Пѣсня разбойника.

(ПАРОДІЯ)

(Посвѣщается современнѣмъ сатрапамъ).

Что пріумолкли вы, силы народныя,
Что не идете на бой?
Я покажу вамъ, холопы голодные,
Какъ вамъ тягаться со мной!
Вышлю на васъ я дивизіи цѣлыя
Самыхъ отважныхъ полковъ;
Мигомъ окружатъ васъ полчища смѣлыя
Дикой орды казаковъ;
Ждутъ васъ давно съ наточенными пи-
ками,

Съ массой нагаекъ лихихъ,
И не пробудите вашими криками
Капли вы жалости въ нихъ...
Живо затопчетъ потомъ кавалерія
Васъ подъ ногами коней,—
Временемъ тѣмъ подойдетъ артиллерія
И пулеметы при ней.
Вамъ приготовлены пули отлитыя
И боевые штыки,
Будете гибнуть вы, кровью залитые,
Полны смертельной тоски...
Знаю я самъ, что жестокой расправой
Много я душъ загублю,—
Кто-жъ виновать, что потѣху кровавую
Больше, чѣмъ жизнь, я люблю?

Демократка.

Пѣсня свободныхъ.

Посв. Н. В. К.

Надъ отчизной рѣютъ тучи... Ярко молнія сверкаетъ, грохотъ грома раздается, словно битвы канонада..

По полямъ, лугамъ и селамъ, въ хатахъ, хижинахъ убогихъ просыпается крестьянинъ отъ глубокой долгой спячки..

Въ городѣхъ же по заводамъ, честный труженикъ рабочій собирается въ дружины, возглашаетъ свою волю: «Прочь, позорные оковы! Мы родились рабами, но вдохнулъ въ насъ духъ свободы искру мести и сознанья!... Прочь позорные оковы!.. Грозно двинемся на битву и разрушимъ въ прахъ твердыню вѣкового произвола!..

Посмотрите, въ мукахъ тяжкихъ всюду стонетъ край родимый; палачей свирѣпыхъ стая всюду вноситъ раззоренье!.. Казни, пытки и

насилья, беспощадные погромы, тюрьмы, полныя борцами за народъ и за свободу!..

Грянь же, грянь скорѣе, буря!.. Вѣтеръ грозный и могучій, пролети скорѣй надъ бездной, собирай скорѣе тучи!»

Яркой молніи зигзаги упадутъ на тѣ палаты, гдѣ пируютъ беззаботно кровопійцы и магнаты!..

Кровь убитыхъ понесется по рѣкамъ въ сѣдое море; берега она размоеетъ и потопитъ слугъ насилья!..

Вмѣсто пѣсни заунывной, пронесется голосъ мести; даже мертвыхъ онъ разбудитъ и вдохнетъ въ нихъ жажду мщенья!..

Грянь же, грянь скорѣе буря!.. И въ волненіяхъ стихій, навсегда пускай погибнуть силы темныя Россіи...

Скоро, скоро грянетъ буря!..

В. Князевъ.

З а и д е ю.

Одна изъ жертвъ.

Забывтый всѣми онъ много годы томился въ казематѣ... Жизнь для него уже была потеряна.

Однѣ лишь стѣны, стѣны, мрачныя стѣны! Желѣзное рѣшетчатое окошко и кованная дверь страшно мозолили ему глаза, вѣчно говоря одно и тоже: что жизнь погибла для него и онъ обреченъ на смерть.

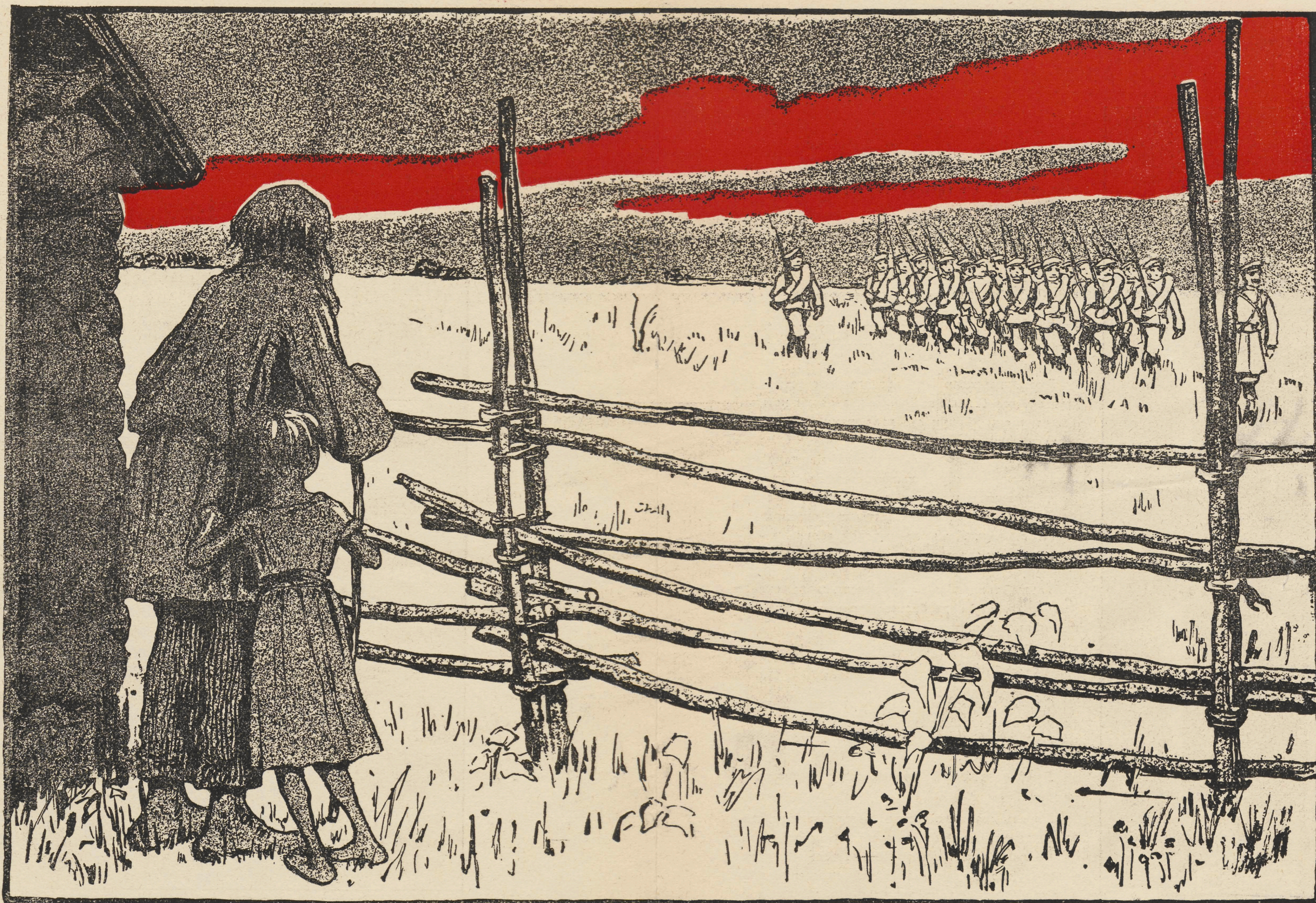
Медленную, страшную отвратительную смерть въ этомъ ужасномъ мѣшкѣ! И такъ проводить день за днемъ—о, ужасъ! Нѣтъ, лучше смерть... Въ тысячу разъ лучше смерть, она будетъ желанной гостьей. Въ ея хладныхъ объятяхъ онъ забудетъ объ этой мучительной жизни.

Измученный, изстрадавшійся, обезсиленный, психически разстроенный отъ многихъ безсонныхъ въ одиночествѣ проведенныхъ ночей, охваченный кошмарными думами, исхудалый подобно скелету съ страшно провалившимися внизъ темными глазами, съ болѣзненнымъ печальнымъ и стальнымъ вѣчно куда-то вдаль устремленнымъ взглядомъ, хотя его взоры и были обращены на смотрѣвшую на него каменную стѣну, съ висѣвшимъ на немъ точно на чучело одѣтымъ костюмомъ, съ тонкими длинными руками и ногами, заключенный походилъ скорѣе на скелетъ, чѣмъ человѣка. И онъ медленно, тихо и слабо взадъ и впередъ передвигалъ отяжелѣвшія ноги столько лѣтъ шагавшія по холодному каменному полу крѣпости. Въ этой безжизненной апатичной и безразличной походкѣ еще довольно молодого человѣка былъ видѣнъ полный упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, и кромѣ того еще ощущалась какая-то тайная сокровенная страшная охватывшая его рѣшимость.

— Нѣтъ, я такъ болѣе не могу... страдать и жить... и быть можетъ еще долго жить и все страдать. Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Лучше покончить сразу и больше не мучиться, не терзаться... такъ лучше... немножко энергіи... и я избавленъ отъ этихъ адскихъ, страшныхъ мукъ!—бормоталъ про себя блѣдными дрожащими устами кружившійся по каземату несчастный. Наконецъ, онъ остановился, обвелъ усталыми измученными, но рѣшительными глазами вокругъ себя, и на него сурово глянулъ въ сумракъ погруженный казематъ. Узнику сдѣлалось жутко и онъ бросился на свои жесткія нары. Долгое время онъ тихо забывшись лежалъ безъ никакихъ мыслей точно деревянный, наконецъ онъ понемногу стали возвращаться къ нему. И тогда осужденнаго началъ охватывать какой-то безумный ужасъ. Его больныя уши улавливали страшный звукъ—бряцанье скелета, а галлюцинирующіе глаза видѣли тихо двигавшагося съ распростертыми костлявыми руками идущаго прямо на него мертвеца, отъ котораго пахло трупнымъ запахомъ.. Узника охватилъ страхъ, смѣшанный съ безумнымъ ужасомъ, а сумракъ каземата сморѣлъ на него сурово и мрачно.

Наконецъ, онъ не выдержалъ этихъ мукъ... Быстрымъ движеньемъ несчастный сорвалъ съ себя рубашку, легъ на кровать. Обязалъ ее вокругъ шеи, привязавъ къ кровати... и мысленно простался съ жизнью:

„Прощай жизнь, друзья—все прощай!.. Я знаю, что товарищи отомстятъ за мою смерть. Я уже дальше не могу переносить и страдать.

Нѣтъ силъ...—и онъ потянулся... рубашка натянулась, сдавила ему горло и узникъ умеръ.

Вскорѣ разсвѣтъ чуть-чуть забрезжилъ и черезъ рѣшетчатое окошко полу-свѣтъ слабо освѣтилъ казематъ. На лицо умершаго пала тѣнь. Отъ этого оно чудилось еще строже и суровѣе. Казалось, онъ и послѣ смерти не примирился со своими мучителями и будто на его застывшихъ устахъ замерла угроза.

Выскочившіе изъ орбитъ глаза безжизненно и страшно смотрѣли... Утромъ вошедшій тюремщикъ въ страхъ попятился назадъ. До того его поразила и испугала эта внезапная смерть узника, который казалось все еще хотѣлъ ему крикнуть: „Часъ возмездія не далекъ“!

Напуганный тюремщикъ быстро ретировался и сообщилъ администраціи о случившемся.

Такъ погибла одна изъ жертвъ за свободу.

Валько-Отшельникъ.

* * *

Случилось то въ осенній день:
Столица флагами покрылась,
На лицахъ всѣхъ печали тѣнь
Улыбкой свѣтлой замѣнилась.
Народъ восторженно читалъ
Указъ отрадныхъ обѣщаній,
И, полонъ счастья, ожидалъ
Освобожденья отъ страданій...
Но въ тотъ же вечеръ роковой
Раздался злобный свистъ нагаекъ
И щедрой сыпались рукой
Удары черной сотни шаекъ...
Пальбы послышался вдругъ громъ
Смутивъ восторгъ толпы несчастной,
Подъ вечеръ осени ненастной...
То было раннею весной:
Одѣлась зеленью природа,
Съ режимомъ старымъ вышли въ бой
Всѣ люди лучшіе народа.
Въ отставку вышелъ кабинетъ,
Тѣнимый нашей новой думой,
И загораться яркій свѣтъ
Сталъ надъ страной досель угрюмой.
Но Камарилля снова бичъ
Намъ поднесла въ лицѣ Совѣта
И прозвучалъ печальный кличъ,
Что пѣсня счастья уже спѣта...
На лица вновь печали тѣнь
Легла взамѣнъ улыбки ясной,
И стало грустно въ вѣшній день,
Какъ въ вечеръ осени ненастной...

О. Умова.

Призракъ черного папы.

Съ тѣхъ поръ какъ іезуиты Евангеліе превратили въ приходо-расходную книгу, съ тѣхъ поръ какъ они въ образѣ священнослужителей, извращая текстъ писанія, стали торговать именемъ Христа,—они уже не могли быть духовниками.

Ищущіе правды Божіей отвернулись отъ нихъ, какъ отъ проказы.

Нѣтъ, это не чѣловѣкъ! Это выходецъ съ того свѣта, это призракъ черного папы, творящаго свое заклинаніе!..

Когда истинные ученики Христа обличали этихъ искаріотовъ во лжи, они съ бѣшеной злобой предавали ихъ имена сатанѣ.

Со дна пропасти сердца своего, покрытаго язвами зла, іезуиты поднимали всю грязь и забрызгивали ею святое святыхъ.

Указывающихъ путь истинный къ святой правдѣ и съ горькою болью отвернувшихся отъ нихъ іезуиты приговаривали къ смерти и позорно сжигали на кострахъ.

Тѣ, кто отдавалъ истинѣ все сокровище своей души, томились въ тюрьмахъ, бряцали кандалами въ рудникахъ или были казнены публично, какъ еретики.

Темная, [какъ жилище смерти, толпа, возбужденная лживымъ ученіемъ инквизиторовъ, потрясая воздухъ возгласами дикой радости, валомъ валила на зрѣлище казни и, опьяненная кровью мучениковъ рукоплескала!..

Лжесвященники, смиренно взирая на небеса, но въ холодѣ сердца своего, лепѣя злобу и наслажденіе местию, торжественно произносили заклинаніе...

* * *

Время шло, сѣдѣла старина и то, что было когда то дѣйствительностью, стошло въ область преданія.

Люди, переходя отъ одного несчастья къ другому, все больше и больше познавали истину. То, чему они вѣрили сто лѣтъ тому назадъ, теперь считали сказками.

Тотъ, кто былъ казненъ столѣтіе тому назадъ по приговору инквизиторовъ за святотатство, получалъ у народа имя святого. Правда, за которую сжигали на кострахъ, постигалась всѣми людьми. Ложь, въ которой обличали казненные лжепроповѣдниковъ, становилась прозрачной.

Та же толпа, [которая] рукоплескала смертному приговору надъ борцами за истину, черезъ сто лѣтъ воздвигала имъ памятники.

Но черные монахи оставались въ прежнемъ забвеніи: они закрывали глаза передъ дѣйствительностью.

Старые письмена стирались съ пергамента, а монахи, не заглядывая въ книгу жизни, писали на нихъ слова, то, что уже было погребено въ хаосъ прошлаго.

Лжепроповѣдники не переставали бичевать истину.

Народъ оставляя позади себя развалины старины, строилъ новый алтарь для своего бога.

Дышущіе запятаннымъ разумомъ своихъ предковъ черные монахи оставались прежними инквизиторами. Они такъ же, какъ ихъ лживые учителя, на грязныхъ клочкахъ бумаги писали индугенціи.

Въ народѣ іезуиты теряли союзниковъ. Гнѣзда черныхъ монаховъ были разбросаны вездѣ. Имъ нужно было сохранить мѣсто у алтаря, чтобы не выродиться, и они открыто перешли на сторону тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было оружіе. Они душою и тѣломъ отдались барабанщикамъ и ружейнымъ мастерамъ.

Черная клика продается тѣмъ, кто вырываетъ изъ семей юношей, что ихъ руками защищать тотъ произволъ, которымъ они наводняли свою страну. Такихъ юношей передъ евангеліемъ, передъ той святой книгой, которая устами Христа велитъ возлюбить ближняго, какъ самого себя, учить кротости и смиренію, лженаставники заставляли клястись въ томъ, что они должны съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество отъ внутренняго врага.

Внутреннимъ врагомъ эти фарисеи и книжники называли тѣхъ, кто поднималъ яркое знамя правды, кто повторялъ сказанныя Христомъ слова, *суть которыхъ равенство и братство.*

Лжепастыри, какъ прежде, истинныя слова писанія мѣняли на тульлены. Со временъ сѣдой старины вплоть до послѣднихъ дней въ головы этихъ искаріотовъ ни разу не заглядывала истина.

Монашеская схима, какъ прежде, такъ и теперь была ризой невѣжества.

Подъ черной одеждой іезуитовъ бился пульсъ всѣхъ пороковъ.

* * *

Нѣсколько уже поколѣній сомкнули очи, но ложь въ черномъ саванѣ блуждаетъ по землѣ, ищетъ святую правду и царапаетъ ее своими грязными когтями.

Воскресаютъ ужасы сѣдой старины, воскресаютъ пытки, воскресаютъ въ выродившемся инквизиторѣ звѣрь, жаждущій крови.

Запахомъ крови напоенъ воздухъ.

Гробами люди украшиваютъ свои жилища.

Могильными курганами богатѣетъ земля.

Площади дѣтскихъ игрищъ стали кладбищами.

Волки уже не воютъ голодные около овчарни: они обжираются человѣческими трупами.

Кто это стоитъ вонъ тамъ, опершись мускулистой рукой—палача на стальной жезль?..

Кто онъ, въ черную одежду кутающій свое тѣло? Зачѣмъ онъ не смотритъ прямо въ глаза тѣмъ, кто окружаетъ его?

Какая ужасная мысль сверлитъ его черепъ?

Что онъ говоритъ? Чѣмъ дышетъ сердце этого страшнаго чело-вѣка? Откуда онъ пришелъ сюда?

Зачѣмъ онъ съ такой жадностью говоритъ о смерти? Кого онъ приговариваетъ на гильотину? На что ему нужны висѣлицы?

Нѣтъ это, не чело-вѣкъ!—Это выходецъ съ того свѣта, это призракъ чернаго папы, творящаго свое заклинаніе.

А что та за книга, которую онъ придавилъ своими желѣзными перстами?

— Евангеліе...

Страшный сонъ!.. Когда наконецъ ты оставишь въ покоѣ боль-ную душу?!

Гражданинъ.

Пословицы и поговорки.

Это все враки, что побили насъ макаки, а вотъ это такъ не враки, что насъ бьютъ вездѣ казаки.

Коль лѣзешь на баррикады—не проси пощады.

Нашего кадета пѣсенка спѣта.

Вотъ настанетъ осень—всѣхъ на судъ попросимъ.

Доброму вору и броненосецъ впору.

Не всякій хулиганъ лѣзетъ въ карманъ; иной и въ душу.

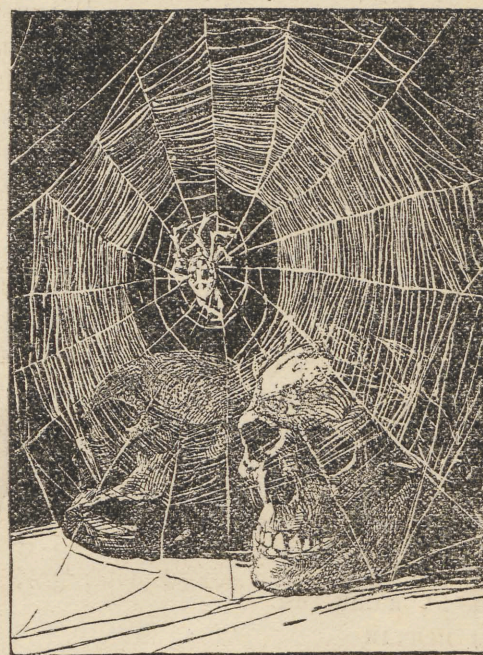
На усиленной охранѣ—револьверъ держи въ карманѣ.

Премьеру вѣрь, да смотри на дверь: вѣтъ-ли жандармовъ.

Памяти Адмирала Чухнина.

Погибъ, сраженъ рукой матроса,
Свирѣпый, грозный адмиралъ,
Что безъ суда и безъ допроса
Людей и вѣшалъ и стрѣлялъ...
И вотъ къ престолу Бога славы
Должна душа его предстать;
Чтобъ за кровавыя расправы
Отчетъ Создателю отдать.
И вѣрно духъ его боязни
Теперь исполненъ безъ конца,
Что не избѣгнетъ страшнѣй казни
Предъ грознымъ онъ судомъ Творца.

Демократка.

ТИХО.

Что там гудит несмолкая, как рой?
 Что там за выстрѣлы слышны вдали?
 Грозные звуки несутся: „Долой!“
 Волю намъ дайте, намъ дайте земли!
 Грзные, страшные крики надъ бездною,
 О, замолчите, довольно тѣхъ словъ!—
 Стоны угаснуть въ пучинѣ надзвѣздной,
 Ихъ заглушить звонъ желѣзныхъ оковъ.
 Стоновъ не надо. Довольно рыданья,
 Молча идите впередъ,
 Молча фундаментъ изъ скалъ мірозданья
 Строй, угнетенный народъ.
 Молча... Довольно терзаній напрасныхъ,
 Ты одичалъ, изнемогъ,
 Молча колонны изъ камней прекрасныхъ
 Строй, нашъ истерзанный богъ...
 Тихо... Ты видѣлъ какъ кротъ неустанно,
 Рылъ катакомбы ходовъ,
 Молча иди, но трудись безпрестанно,
 Сладокъ плодъ горькихъ трудовъ.
 Чшш.. Пусть замолкнетъ разгнѣванный рой
 Пусть сладко дремлютъ вассалы земли,
 Строй, неустанно фундаментъ ты строй,
 Молча, отъ черной тревоги вдали.

II.

Изнуренные, больные,
 Кто они, и что они
 За постройки земляныя
 Тамъ возводить въ наши дни.
 То рабы, сыны печали
 Строить тамъ свободы храмъ,

То они, что вѣкъ страдали,
 Склепы строить господамъ.
 Какъ ихъ много въ эту пору,
 Въ часъ когда богатство спать,
 Безъ надзора, безъ призору,
 Надъ работою корпить.
 Какъ ихъ много, какъ суровы
 Въ лунномъ блескѣ лица ихъ,
 Каждый мигъ все крепнуть ковы
 Даръ для ихъ боговъ земныхъ.

III.

Они взойдутъ трудовъ тѣхъ смѣна,
 Какъ солнца лучъ, какъ свѣточъ, правды
 вѣчной,
 Воспринетъ вновь свободная страна
 И часъ суда придетъ для лжи безпечной.
 Въ тотъ мигъ страна какъ роза расцвѣтетъ
 И вновь замрутъ мучительные стоны,
 И свергнутъ вновь тирана долгій гнетъ,
 Родныхъ бойцовъ святыя легіоны,
 Не надо слезъ, не плачь моя страна,
 Трудись какъ кротъ спокойно и упорно,
 Едва взойдутъ трудовъ тѣхъ смѣна
 Какъ врагъ падетъ безмолвно и позорно.
 Довольно мукъ! Кровавый произволь

Падетъ съ врагомъ возставшаго народа!
 И вотъ тогда на новый твой престолъ
 Взойдетъ опять поправная Свобода.

Прохожий.

Колокола.

Звучать, гудять колокола
 И мощно грозное ихъ пѣнье...
 Гудятъ, зовутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденья.
 О, города! О, города!
 Зачѣмъ стоите вы тѣнями?
 О, города! О, города!
 Зажгитесь красными огнями.
 Страхните гнета перегной,
 Долой оковы злой неволи
 И всѣ впередъ и всѣ за мной
 Идите къ новой, лучшей долѣ.
 О, города! О, города.
 Дружнѣй несите стягъ свой красный,
 Чтобъ васъ жестокая вражда
 Не поразила силой властной.
 Пусть рухнетъ сводъ тюремныхъ стѣнъ,
 Чертоги сытаго богатства
 И узники покинувъ плѣнь
 Сольются всѣ подъ сѣнью братства
 О, города! О, города!
 Зачѣмъ молчить холодный камень,
 Пусть въ часъ великаго суда,
 Весь міръ охватитъ красный пламень.
 Дружнѣй впередъ на смертный бой,
 Подъ гулъ могучаго набата,
 Подъ звуки пѣсни боевой
 Впередъ! Дружнѣ брать за брата.
 Звучать, гудять колокола,
 Не молкнетъ грозное ихъ пѣнье,
 Полны ихъ звуки жаждой мщенья
 Пора послѣдняя пришла...
 Гудятъ, зовутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденья.

А. Георгіевскій.

ДВѢ СМЕРТИ.

I.

Умеръ сановникъ...

Тихо, торжественно колыбался его величавый катафалкъ съ массивнымъ дубовымъ гробомъ обитымъ золоченою мишурою. Вельможа умеръ не своей смертью, но и за предѣлами нашего бреннаго земного существованія онъ остался вѣренъ своимъ прежнимъ мишурнымъ идеаламъ. И мертвый онъ требовалъ себѣ почестей, требовалъ мишуры. Впереди его гроба на богатыхъ атласныхъ подушкахъ несли нескончаемый рядъ орденовъ. Какъ могъ увѣситъ на себя вельможа всю эту жалкую роскошь?

Похороны были торжественно спокойны. Не было слезъ, не было плача и только первый его врагъ и кандидатъ на должность покойнаго произнесъ надъ прахомъ несчастнаго собрата пышно-банальную рѣчь. Вспоминались заслуги покойнаго, слышались ѣдкіе и совсѣмъ не аристократическія замѣчанія о грѣшкахъ его. Въ душѣ сановнаго мертвеца порывились какъ въ помойной ямѣ, помянули на казенный счетъ, позѣвали и разѣхались весело болтая по французски. Не велика утрата. На его мѣсто найдется не мало претендентовъ способныхъ продолжить едва начатую имъ программу.

„Миръ праху твоему великій черносотенецъ земли русской“ — шептали вслѣдъ его колесницы газетныя строки и плакали настоящими крокодиловыми слезами.

Почему они плакали?

II.

Хоронили бѣднаго рабочаго.

Несчастный умеръ не своей смертью.

Его поразилъ осколокъ брошеннаго имъ же самимъ взрывчатого снаряда. Хоронили величественно, грустно... Гробъ несли на рукахъ и не видно было его среди тысячной массы живыхъ людей. Онъ какъ и самъ покойный продолжалъ оставаться такимъ незамѣтнымъ, утеряннымъ. Не было тутъ регалій. Только красныя знамена грозно пылали на солнцѣ.

За гробомъ шла жена покойника съ двумя дѣтьми.

Многіе рыдали...

Узкая могильная яма беззаботно наблюдала за этой печальной картиной.

Вотъ гробъ опущенъ. Печально звучитъ грозно слокойный похоронный маршъ, печально звучатъ сильные молодые голоса:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу“...

Тяжелыя комья земли глухо упали на крышку гроба.

— Товарищи! поклянемся вознаградить наше несчастное отечество, потерявшее въ покойномъ одного изъ своихъ великихъ борцовъ за свободу! — произнесъ кто-то.

— Клянемся! Клянемся! Всѣ клянемся! — раздались голоса.

— Клянемся, товарищи и мы такъ же смѣло идти за идею, за народъ, за правду, за свободу.

И вдругъ могуче всеильные звуки промчались надъ землей, рванулись какъ вихрь въ голубой беспредѣльный просторъ и величественно понеслись туда, гдѣ далеко были видны высокія фабричныя трубы окутанныя сѣрымъ непроницаемымъ покровомъ вѣчнаго мрака.

Отречемся отъ стараго міра

Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ.

И отъ этого могуче стихійнаго гимна казалось земля содрогнулась и черная дымная туча ясной улыбнулась и грузно помчалась по небу.

И жутко и весело было видѣть тысячи свѣжихъ, вдохновенно сіяющихъ лицъ; безумцевъ готовыхъ на великій подвигъ за гибель несчастнаго брата.

За оградой мрачнаго кладбища скучились войска и пѣсня смѣялась, дразнила ихъ души стальные и смѣло задорно звала ихъ на бой.

Возбужденно настроенная толпа торжественно покидала кладбище. Грузно колыхались красныя знамена.

Было радостно и жутко. Почему радовалась эта толпа?

А. II.

Воззваніе.

Страшное несчастье обрушилось на еврейское население города Бѣлостока. Погромъ, организованной злодѣями и длившійся 1—3 Іюня, далъ въ результатъ массу жертвъ: до ста безчеловѣчно убитыхъ и сотни раненыхъ. Множество магазиновъ, лавокъ мастерскихъ и квартиръ безпощадно разгромлены. Многія семейства лишились своихъ кормильцевъ, остались безъ хлѣба и крова. Въ городѣ полный застой. Помогите! Человѣколюбивые братья! Помогите жертвамъ звѣрскаго насилія!

По жертвованія просимъ направлять казначею Комитета Маркусу А. III. Гордону.

*Бѣлостокскій Комитетъ по оказанію
помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погрома.*

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ
органъ экстремально-сатирической мысли и въ высшей степени пикантнаго раздумья

„ПОЧТА АМУРА“

Задающій себѣ цѣлью проведенія въ жизнь всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго ядовитаго сарказма. Направленіе прогрессирующее.

Программа minimum доставитъ читателямъ и читательницамъ эстетическое наслажденіе; программа maximum — сверженіе бюрократическаго строя, на почвѣ бу-дуаровъ и балета.

„Почта Амура“ будетъ выходить еженедѣльно, въ размѣрѣ 16 стр., богато иллюстрированно.

ЦѢНА ОТД. № 5 КОП.

Редакція и Контора: Сиб. Дегтярный пер., д. 14, кв. 30.

„П О Е Д И Н О К Ъ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ ВЪ МОСКВѢ: КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРЕССА“, МЯСНИЦКАЯ, 36.

ЦѢНА ОТД. № 15 К., ВЪ ПРОВИНЦІИ 20 КОП.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., д. 14. кв. 28.

Редакторъ принимаетъ: по Вторникамъ и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч., по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 4 час. дня.

Издательница А. Д. Рысись.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Спб. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейн. пр., 58.